

Киевлянин.

1890. 14 октября. № 225.

С. 3.

← Театральная заметка («Литературный листок»). Возобновление «Литературного листка». Странное, непредвзятое впечатление производит на зрителя новая четырехактная комедия А. П. Чехова — «Литературный листок», впервые поставленная на сцене драматического общества 7 октября. Представление заняло. На сцене, представлявшей собой сцену, стояли два стола, установленные обставлены приборами, закусками и бутылками. За этими столами несколько людей, в костюмах, довольно многочисленное общество, собравшееся широким в молодому помещику-технологу Желтухину, по случаю дня его рождения. Мы ожидали, что автор новой пьесы не забудет развернуть перед нами, если не вполне законченную, то талантливо набросанную картину провинциальных нравов, полную жизни, яркости, наблюдательности, показать нам интересную газетеру провинциальных обывателей, как сблизил его г. Чехов в своей новелле «Именины», в «Иванов» и в своих многочисленных небольших рассказах, блестящих оригинальностью в своеобразной простоте, как жанровая картина Мамонтова. Мы обманулись в ожиданиях. Перед зрителем проходят явления за явлениями, акт за актом, но ему не приходится сосредоточиться; оживляется пьеса, в зрителе даже не может возникнуть вопроса, почему она названа «Литературный листок». Такое впечатление дано действующими лицами пьесы помещику Хрущову, окончившему курс на юридическом факультете. Этот Хрущов знает в дядю и произносит со сцены при каждом удобном и неудобном случае палме трактаты против абсолютизма. Не по этому ли он в пьесе получает название «Литературный листок»? Не может быть — это было бы слишком поверхностно для г. Чехова. Есть указание, что автор называл был окрестить этим названием одну из современных общественных партий, но выразил свою мысль слишком неопределинно. В конце комедии Хрущов, между прочим, говорит: «Все общество разрушено, все идет прахом. Вы, господа, называете меня дьяном, но я, в сущности, во всем вас сидеть дьяном, а вы бродите в темном дядю и знаете оцу ю Ула, знаний в сердца у вас хватает только на то, чтобы погубить жизнь себя и других». Это единственное место во всей пьесе, которое могло бы дать нам хоть какое-нибудь представление о том, что автор имел в виду, говоря нам, мысль автора выражена здесь слишком не ясно, тем более, что основная идея пьесы высказывается довольно определенно в следующих словах того же Хрущова: «Я не дядю, не барант, с дядю, но вы, профессор, не дядю», обращается он к отставному профессору Серебрякову. «И в то же время вы, у дядю, все женщины видать во мне

героя, переднего человека, а вы знамениты на всю Россию. А если таких, как я, серьезно считают героями, и если так, я, я, серьезно считают знаменитыми, то это значит, что на бездну в Ома дворянство, что быть истинных героев, быть талантов, быть людей, которые выводили бы нас из этого темного дядю, исправляли бы то, что мы портим, быть настоящих героев, которые по праву пользуются бы почетной известностью». Отсюда ясно, что г. Чехов намерен был, с одной стороны, изобразить в своей пьесе провинциальное безделье, а с другой — действительное увлечение провинциального общества мнимыми героями и талантами, но это не удалось молодому драматургу по двум причинам. Перед нами проходит целый ряд действующих лиц. Здесь есть отставной профессор Серебряков, который, не выражая одного из его родственников, «ровно 25 лет читает и пишет об искусстве, ровно ничего не зная в искусстве; ровно 25 лет жует чужие мысли о реализме, тенденциях и всяком другом вадор; 25 лет читает и пишет о том, что умные давно уже забыли, а для глупых не интересно, значить, ровно 25 лет передвигает из пустого в порожнее». Несмотря на это, Серебряков пользуется и пользуется крупными успехами не только в дядюм кружке почтенников, но, по свидетельству Хрущова, знамениты на всю Россию. Сам Хрущов ни о чем другом не говорит, как только о сбережении дядю, а между тем, все его считают героями и умными, а одна из дам, жена профессора, прямо заявляет: «Да разве в дядю дядю? Это талант. А что значит талант? Свободная голова, широкий размах...» Есть в пьесе еще, это первая жена профессора, Войничка, производящая своим уже странное впечатление на зрителя. Это какой-то разочарованный идеалист, совершенно негодный для практической жизни, влюбленный в молодую профессоршу, но не пользующийся ее взаимностью. «Днем и ночью», говорит она: «точно домовая, души мои жаль, что жизнь моя потеряна безвозвратно. Прощаю быть, оно глупо израсходовано на пустяки, а настоящее ужасно по своей неадекватности. Вот вам моя жизнь и любовь», говорит она профессорше: — «куда мне их девать, что мне из них делать. Чувство мое гибнет даром, как луч солнца, попавший в яму, и сам в габду». Этот Войничка так же странно занята жизнью, как и провела ее. Она страдает, по видимому, только лишь потому, что Серебряков вздумал продать жизнь своей первой жены, в котором Войничка прожила 25 лет. За Войничкой являются в пьесе отец и сын Орловские, из которых первый только и

Киевлянин.

1890. 14 октября. № 225.

с. 3.

занять тѣхъ, что крестить у сосѣдей дѣтей да восторгается дебошами сына, а второй всѣмъ и каждому предлагаетъ идти съ нимъ, ухаживаетъ за замужними дамами, а затѣмъ женится на глухенькой помѣщицкой дочкѣ Юліи Жестухиной, воецѣло погруженной въ сельско-хозяйственныя заботы. Братъ Юліи, тѣломотъ по образованію, не привнпаетъ на практикѣ добытыхъ знаній, а только нѣжно вздыхаетъ по профессорской дочкѣ Софѣ, влюбленной въ Хрущева и въ концѣ пьесы, выходящей за него замужъ. Старуха мать Войницкаго, теща Серебрякова, являющаяся совершенно эпизодическимъ лицомъ въ комедіи, вѣчно запята разысканіемъ противорѣчій въ научныхъ брошюрахъ, а захудалый помѣщикъ Дядинъ, арендующій мельницу у Хрущева, умѣетъ только восторгаться и, кстати и не кстати, произносить слово «восхитительно». Таковы то дѣйствующія лица въ новой комедіи г. Чехова. Мы не сомнѣваемся, что, взглянувъ въ шелку житейской банальности, можно увидѣть всѣхъ ихъ и въ такой, именно, обстановкѣ, въ какой ихъ показала пашъ авторъ, но для художника, пишущаго картину правовъ, этого не достаточно. Героя г. Чехова вышло слишкомъ блѣдными, слишкомъ поверхностно и односторонне очерченными. Создавая ихъ, драматургъ не заглянулъ въ тайники ихъ духовной жизни, а желая показать всю ихъ мелочность, пошлость, непригодность для разумной практической жизни, онъ выбралъ слишкомъ узкія рамки повсѣдневной дѣятельности. Отъ того-то пьеса г. Чехова страдаетъ отсутствіемъ энергии въ развитіи дѣйствія, малоинтересна и, въ концѣ концовъ, производитъ на зрителя впечатлѣніе удручающей скуки. Эта пьеса до того мало даетъ матеріала актерамъ, что, намъ кажется, она не можетъ имѣть успѣха даже на образцовой сценѣ, гдѣ очень часто талантливыя актеры успѣваютъ своей игрой замаскировать погрѣшности драматурга. Въ виду этого, мы не считаемъ удобнымъ говорить объ исполненіи пьесы г. Чехова на сценѣ драматическаго общества. Всѣ участвовавшіе въ ней артисты и члены-исполнители звали свои роли, читали ихъ осмысленно и дѣлали то, что предписано авторомъ. Больше благодарной ролью во всей пьесѣ является роль Софи Серебряковой. Г-жа Казина, исполнившая эту роль, удалось столь же искусно воспроизвести первые любовные порывы, зарождающіеся въ сердцѣ молоденькой дѣвушки съ сильными и самостоятельнымъ характеромъ, какъ воспроизведены они авторомъ пьесы.

Несравненно больше матеріала даетъ для

исполнителей другая комедія того же автора — «Ивановъ», поставленная въ пятницу. Въ заглавной роли на этотъ разъ выступилъ г. Несвѣтовъ, нѣсколько лѣтъ назадъ принимавшій дѣятельное участіе въ спектакляхъ драматическаго общества. Раньше пашъ не приходилось видѣть г. Несвѣтова на театральныхъ подмосткахъ, а мы не знаемъ, какого рода была тотъ успѣхъ, какимъ онъ, какъ говорить, пользовался у нашей публики. По всему видно, что это исполнитель дѣйствительно опытный, но замѣтно отставшій отъ сцены. Нѣкоторые монологи, даже наиболѣе существенные, г. Несвѣтовъ произносилъ слишкомъ торопливо, и потому его исполненіе потеряло значительную долю той экспрессіи, съ какою необходимо вести роль Иванова. Даже за ключевая сцена третьяго акта не произвела того потрясающаго впечатлѣнія, какое она обыкновенно производитъ на зрителя даже въ заурядномъ исполненіи. Роль Лебедева не удалась г. Осмоловскому. Артистъ отиѣтилъ въ Лебедевѣ только сложность его къ спартнымъ напиткамъ, но совершенно упустилъ изъ виду ту задущевную сердечность, которая въ Лебедевѣ нѣсколько разъ прорывается наружу изъ-за покровы безучастнаго киветизма и при удачномъ исполненіи должна разъяснить зрителю весь трагизмъ безответности этого глупо симпатичнаго старика, попавшаго подъ опеку деспотической супруги. Въ роли жены Иванова, при общемъ удачномъ исполненіи, г-жа Иценко обнаружила тѣ же грѣшныя, которыхъ не чужда была и раньше, — это слишкомъ вычурная чѣтка и злоупотребленіе слезливыми нотками въ голось. Г-жа Казина, какъ только беретса за роль хоть даже съ легкимъ драматическимъ отиѣнкомъ, такъ непременно въ ея исполненіи сивозитъ заученность роли и отсутствіе непосредственнаго вдохновенія. Такъ случилось и съ ролью Саши Лебедевой. Въ таахъ роляхъ необходимо проявлять побольше огонька, страсти, увлеченія, а не холодной резонерской разсудительности. Г. Куликовскій довольно увѣренно провезъ роль прямолинейнаго врача Дьлова, г. Эдльскій — очень живо роль Боркина, но была въ ней не достаточно тѣнечка, г. Рѣшимовъ достаточно характерными штрихами обрисовалъ фигуру графа Шабельскаго. Въ общемъ введенныя пьесы, въ которыхъ иѣстахъ, приближаясь къ достаточному срепетованію. Особенно замѣтно отъ дальса себя чувствовать во вторыхъ актѣ, гдѣ дѣйствующія лица перебрасываются небольшими отрывочными фразами. На такия иѣста режиссеру необходимо обращать особое вниманіе, такъ какъ все ихъ значеніе въ безупречности ансамбля. Изъ Ал — сій.